

Юй Шанчжи нашёл палку и взвесил её в руке. Длина оказалась чуть короче, чем хотелось бы, но в целом сгодится.

Даван и Эрван, хоть и были приручены, всё же насторожились: завидев, как он поднял руку с палкой, они оба чуть припали на передние лапы и зарычали низким «у-у-у».

Позже, увидев, что Юй Шанчжи просто с палкой бродит по двору, не проявляя агрессии, собаки встряхнули шерсть и сели, каждый по одну сторону от него, наблюдая с любопытством.

Вэнь-эрню боялась, что он споткнётся, и всё время шла рядом. Палка заменила Юй Шанчжи временную трость слепого: когда он натёкался на препятствия, мог обойти их стороной.

Передний двор у семьи Вэнь был просторным, в основном заваленным хламом по углам, в центре же стояла большая цистерна с водой. Когда он обошёл несколько помещений, прикинул, где что расположено, и шагами измерил расстояние между ними, у него сложилось общее представление. Тогда, подгоняемый Вэнь-эрню, он вернулся в главное помещение.

Там она снова села шить подошвы, а Вэнь-санъя — скручивать соломенные верёвки. Юй Шанчжи уселся рядом, но чувствовал себя неуютно без дела и спросил:

— А есть ли какая работа, в которой я мог бы пригодиться?

...

Спустя какое-то время ему в руки всунули миску с бобами.

— Старший брат пошёл в город за белым рисом, — объяснил Вэнь-санъя. — Вечером будем варить рис с бобами. Вот, брат Юй, помоги нам, почисти.

Обычно такую работу, как шелушение бобов, поручали самому младшему ребёнку в семье. Она несложная, не требует особых усилий и помогает усадить непоседу на место. Юй Шанчжи почувствовал, что к нему отнеслись с пренебрежением — но в этот момент у него и вправду не было другой работы, за которую он мог бы взяться.

Ну и ладно — чистить так чистить.

Только вот, когда дело дошло до самой работы, оказалось: очистка бобов — занятие куда более хлопотное, чем звучит. Юй Шанчжи возился с ними неуклюже, словно вступил в тихое сражение, но каждый звук, с которым очищенные бобы падали в миску, почему-то грел душу. Вдруг он поймал себя на мысли: а ведь такая спокойная, мирная жизнь — тоже совсем неплоха.

Весь день прошёл в ожидании. Только к вечеру, когда дождь уже добрых полчаса как закончился, вернулся Вэнь Ецай. Одежда на нём промокла почти вся, верхнюю рубашку он снял, свернул узлом и прижал к груди, тщательно прикрыв содержимое. За спиной — плетёная корзина, накрытая толстым слоем соломы.

Даван и Эрван тут же кинулись его встречать, возбуждённо подпрыгивая вокруг.

— Отстаньте от меня! У вас на лапах вся грязь с дороги! — закричал он, будто наткнулся на врага, и стал вертеться на месте, уворачиваясь от дружелюбных атак.

Он поспешно юркнул в главный зал, и на пороге, не переступая внутрь, принялся скоблить подошвы оструганной бамбуковой палочкой. Подняв голову, он увидел перед собой неожиданную картину. Один взрослый и двое детей сидели у стола, тесно прижавшись друг к другу, каждый занят своим делом. Особенно поразил его Юй Шанчжи: с чего бы тому, вместо того чтобы спокойно отдыхать в комнате, сесть здесь и чистить бобы?

— Ты вернулся, — раздался спокойный голос.

Когда прозвучал этот чистый голос, вся та хмурая усталость, что накопилась с самого утра — из-за спешки в пути и внезапного дождя, — как будто сразу испарилась без следа. Вэнь Ецай почесал нос — к тому, что в доме появился ещё один человек, он всё ещё чувствовал лёгкое непривычное напряжение.

— Дождь хлынул внезапно, — сказал он, — я испугался, что только что собранные травы промокнули, потому и укрылся в чайной за городом, ждал, пока дождь хоть немного стихнет. Потом завернул всё в рубашку и только тогда осмелился бежать назад.

Говоря, он всё ещё не мог отдышаться — от долгого бега во рту пересохло, а по спине прокатывались волны жара.

Вэнь-эрню подошла и приняла у него тяжёлый свёрток с лекарственными травами. Подняв голову, она сказала:

— Брат Юй велел мне сварить тебе имбирный отвар, я сейчас принесу.

Говорила она это не с умыслом, вовсе не для того, чтобы произвести впечатление: просто поначалу вся была в тревогах, и мысль о целебном отваре ей даже в голову не пришла — это Юй Шанчжи напомнил, вот она и кинулась топить печь.

Кто бы мог подумать, что эти слова, сказанные почти случайно, окажутся как раз тем, что её брату особенно приятно услышать. Когда отвар принесли, Вэнь Ецай выпил — и сразу почувствовал, как всё тело согрелось. Раньше он не любил имбирный отвар, но сейчас, зная, что именно Юй Шанчжи велел Эрню его приготовить, вдруг ощутил, что этот отвар не только

не жжёт, но даже на вкус немного сладковат.

— Вкусно, я пойду себе ещё налью, — сказал он и поднялся.

Этот поступок так удивил Вэнь-эрню, что она аж рот раскрыла.

— Неужто сегодняшней отвар не такой, как обычно? — пробормотала девочка, и, дождавшись, когда Вэнь Ецай уйдёт, побежала на кухню попробовать.

Попробовав отвар, она тут же сморщилась от жгучести, с отвращением выплюнула:

— Тьфу-тьфу-тьфу, точно такой же мерзкий, как всегда!

Она оставила ложку, зачерпнула пригоршню белого риса, смешала его с нешлифованным и принялась промывать в большой миске. Надо пораньше всё подготовить — тогда удастся быстрее попробовать рис с фасолью, который будет готовить старший брат. Одна мысль об этом вызывала у нее слюноотделение.

А в доме Вэнь Ецай между тем с неодобрением разглядывал палку Юй Шанчжи.

— Эта вообще неудобная: мало того что короткая, так ещё и руки колет. Ладно, пока сойдёт, потом я её обточу. А когда будет время, пойду в горы, срежу подходящий бамбук — сделаю тебе нормальную трость.

— Спасибо за хлопоты.

Благодарность у Юй Шанчжи прозвучала так естественно, будто он просто попросил передать чашку воды. Но Вэнь Ецай лишь почувствовал, что тот по-прежнему держит дистанцию.

— Мы теперь все как одна семья, — проворчал он. — Что за хлопоты, о чём ты вообще?

Вечером на столе появилась долгожданная фасолевая каша, которую так ждали Вэнь-эрню и Вэнь-санъя: белый рис, бобы и мелко нарезанный вяленый бекон тушились вместе, пропитывая каждое зёрнышко жиром и ароматом, так что еда благоухала на весь дом.

Такой ужин избавлял Юй Шанчжи от хлопот с выбором блюд — не нужно было ничего класть в чашку отдельно. Он держал в руках тёплую чашку, в душе колеблясь между двумя мыслями: то ли Вэнь Ецай приготовил такой ужин специально ради его удобства, то ли он и впрямь слишком себе всё надумал.

Пока он ел, сам того не замечая, на него украдкой поглядывали три пары глаз. Вэнь Ецай,

наблюдая за его сдержанными и аккуратными движениями, решил, что Юй Шанчжи, должно быть, ест мало — такого он и сам прокормит без труда.

Вчера всё было суматошно, а теперь они впервые вчетвером спокойно сели за общий стол. Заговорили о поездке в город: Вэнь Ецай рассказал, что продал того мунтчжака за восемнадцать лян серебра — Вэнь-эрню сразу захлопала в ладоши.

— Старший брат, ты просто молодец!

Потом речь зашла о лекарствах: Вэнь Ецай, с набитым ртом, проговорил чуть неразборчиво:

— Кстати, я ведь так и не спросил, что у тебя за болезнь. Сегодня отдал твой рецепт в аптеке Байцзи, так тот аптекарь долго его разглядывал, будто в первый раз такое видит.

Движения Юй Шанчжи на мгновение замерли. Истинную причину он, разумеется, раскрыть не мог, поэтому спокойно проглотил пищу и произнёс заготовленное объяснение:

— Пару дней назад отравился — съел что-то не то, с тех пор часто болит живот. А в день свадьбы, боясь, что разболится в дороге, решил принять таблетку, но поспешил, перепутал лекарства, и те не сошлись по действию — вышло отравление.

Вэнь Ецай аж поперхнулся:

— Отра... отравление?

Он с подозрением уставился на Юй Шанчжи:

— Ты точно, кроме того что ослеп, больше нигде не чувствуешь себя плохо? Звучит-то совсем не как пустяк.

Эта версия, по правде говоря, была весьма натянута — где это видано, чтобы лекарь сам себе не те лекарства прописал? К счастью, в семье Вэнь никто в медицине толком не разбирался, а после вчерашнего случая с лекарем У они и вовсе прониклись глубочайшим доверием к способностям Юй Шанчжи, так что эта история, пусть и с огрехами, всё же прокатилась.

— Правда, всё уже позади, — заверил он. — Пропью несколько отваров, остаточные токсины выведутся — и совсем полегчает. Правда, в ближайшие дни ни на что толком не гожусь, помочь ничем не смогу.

Юй Шанчжи прекрасно понимал, что у крестьян каждый день расписан до мелочей, особенно в пору полевых работ, и год на год не приходится. Сельская жизнь не ждёт — ни урожай, ни дождь, ни солнце. Хотя у семьи Вэнь, судя по всему, земли немного, по-настоящему работать в

поле мог только один Вэнь Ецай. А ведь ему ещё и в горы ходить приходилось на охоту — иначе откуда бы взяться деньгам на всё необходимое?

А теперь в доме на одного человека больше. Рабочих рук не прибавилось, только появилась ещё одна ложка к ужину. Это чувство неловкости Юй Шанчжи не мог в себе заглушить.

Вэнь Ецай между тем молча заглывал еду — и уже через пару мгновений опустошил целую большую чашку.

— Ты только спокойно лечись, — сказал он. — С домашними делами и без тебя справятся. Когда делать нечего — отдыхай в комнате, а к обеду выходи. Упадёшь, ушибёшься — вот тогда проблем будет куда больше.

Сказанное звучало чересчур беззаботно, но Юй Шанчжи, будучи взрослым мужчиной с руками и ногами, не мог не вспомнить, кем значился прежний владелец тела — зятем, которого взяли в дом, и каким пустым был его кошелёк. Все эти мысли невольно складывались в одно тяжёлое слово — иждивенец.

Однако, при детях за столом он всё-таки не стал озвучивать свои мысли вслух.

После ужина, как положено, убрали посуду, немного разошлись, чтобы переварить, — и пора было умываться да спать. У крестьян жизнь подчинена солнцу: встают с его восходом, а с заходом — укладываются, и вечер для них наступает рано.

Перед самым сном Вэнь Ецай принёс чашку с отваром, который варил весь вечер. Над лекарством вился пар, оно только-только достигло той температуры, при которой его можно было пить. На столе рядом стояла маленькая чашка, в ней — два сладких цуката.

Юй Шанчжи нахмурился, но всё же взял чашу и, не раздумывая, одним духом осушил её, пока та ещё была горячей. Отвар был до крайности горьким и острым — язык от него невольно скручивался, как от ожога. Чаша опустела, он на ощупь потянулся к столу, чтобы вернуть её на место, но не успел — Вэнь Ецай перехватил, и в его ладони вдруг оказалось нечто другое.

— Держи во рту, перебьёт вкус лекарства, — сказал он.

Юй Шанчжи с лёгким подозрением положил в рот то, что оказался сушёный абрикос, пропитанный мёдом. Кисло-сладкий вкус разлился по языку, глуша горечь отвара.

— Санъя любит такие штуки. Я каждый раз, как бываю в городе, покупаю ему мешочек. Не знаю, понравится ли тебе, — добавил Вэнь Ецай.

Юй Шанчжи хотел было что-то ответить, но слова застряли в горле. Кому бы он ни рассказал, никто бы не поверил: за всю свою прошлую жизнь, с самого детства, он ни разу после горьких

лекарств не получил даже крошки сладкого. В семье Юй царила строгая дисциплина. Там считалось, что раз уж человек изучает медицину, он обязан быть готов ко всему, в том числе и «попробовать сто трав», как гласит поговорка. А значит, и жаловаться на горечь отваров — недопустимо. Поэтому детям Юй не позволялось даже морщиться при питье самого горького или едкого лекарства. Стоило показать хоть каплю слабости или отвращения — неизбежно следовали строгие выговоры.

И вот теперь — кто бы мог подумать — кто-то вдруг обращается с ним, как с ребёнком, пытается утешить после лекарства. Абрикос, неловко перекатывающийся во рту, был сладким попростому, почти грубовато, но именно эта сладость быстро подавила горечь и пронзительный вкус отвара, будто отменила всё, что было до неё.

— Сладко, — кивнул он, как бы давая Вэнь Ецаю именно тот ответ, на который тот рассчитывал.

Первый день, что Юй Шанчжи официально провёл в доме Вэнь, прошёл тихо и мирно — с утра до вечера, словно и не бывало в его жизни ни тревог, ни боли.

Перед сном, когда Вэнь Ецай грел воду и готовил ему умыться, он между делом заговорил о болезни Вэнь-санъя.

— Эти новые отвары, скорее всего, немного ему помогут. Он должен почувствовать облегчение, — сказал он. — Но с такой болезнью спешить нельзя, тут нужно терпение и постепенное восстановление.

Вэнь Ецай, выжимая в руках мокрое полотенце, произнёс сдержанно, но глухо:

— Я понимаю. Столько лет уже прошло... Мы давно и не ждём чуда. Лишь бы жизнь его не была под угрозой — и за то спасибо небесам.

Вспомнив о санъя, Вэнь Ецай невольно разговорился.

— Он с самого рождения был, как котёнок, — тихо начал Вэнь Ецай, — хрупкий, беспомощный. Все вокруг говорили, что такого ребёнка не вырастить. Потом, когда ему исполнился год или два, лекарь сказал, что он не доживёт до трёх. Подросток — сказали, не доживёт до пяти. А он, мой Санъя, не сдался, и вот в этом году, после дня рождения, ему уже шесть.

Он замолчал на миг, в голосе теплилась нескрываемая гордость.

— Прошлой осенью, когда ему стало лучше, он даже два месяца учился в сельской школе, выучил несколько иероглифов. Учитель хвалил его, говорил, что у него голова светлая, и если продолжит, может даже добиться учёной степени. Только вот с наступлением зимы снова ослабел, лихорадка несколько раз била, и мы уже не осмелились пускать его туда.

Юй Шанчжи слушал молча, не перебивая. У него за плечами была долгая врачебная практика, и он видел сотни, если не тысячи пациентов. Он знал: у каждого, кто долго болеет, — своя боль, своя история, и таких, похожих на рассказ Вэнь Ецяя, он слышал немало.

Сострадание и доброта к больному — так гласила заповедь, оставленная в родовой книге семьи Юй.

И потому он лишь дождался, когда Вэнь Ецай договорит, а затем спокойно сказал:

— В выздоровлении Санъя не последнюю роль играет и его собственное упорство, и ваша забота. Я не осмелюсь давать громких обещаний, но могу сказать с уверенностью: его жизни сейчас ничего не угрожает. Можешь быть спокоен.

За многие годы, что Вэнь Ецай водил брата по лекарям, он слышал немало удручающих слов — но ещё ни разу никто не сказал так уверенно и ясно. Он раскрыл рот, ошарашенно смотрел на Юй Шанчжи, долго не мог вымолвить ни слова, и только спустя какое-то время, всё ещё не веря до конца, с трудом спросил:

— Правда?.. Ты... ты правда так думаешь?

В сердце Вэнь Ецяя каждый новый год жизни третьего брата был как год, вымоленный у Небес, украденный у судьбы. О чём-то большем он и не смел мечтать.

По правде говоря, с точки зрения Юй Шанчжи, болезнь Вэнь-санъя даже не тянула на категорию «трудных случаев». Проблема была, скорее, в том, что прежние рецепты оказались неподходящими — и именно они в какой-то степени затянули развитие болезни. Но это ничуть не мешало Юй Шанчжи быть уверенным в исходе: если всё пойдёт по назначенному им курсу лечения, то через год-полтора, пусть мальчик и не сможет соревноваться с другими деревенскими ребятами — с теми, что лазают по крышам и ныряют в реку, — но уж точно не будет так слаб, чтобы с трудом сидеть или задыхаться от нескольких шагов. Снова ходить в сельскую школу — вот это уж точно не составит труда.

Всё самое важное из своих мыслей он пересказал Вэнь Ецяю простыми словами. Тот выслушал — и в глазах у него зашипало. Он торопливо провёл рукой по лицу, будто стирал капельки пота, но, вспомнив, что Юй Шанчжи не видит, не стал дальше сдерживаться. Сжав губы, он почувствовал на языке вкус — солёный, терпкий: первая слеза за долгие годы.

— Хорошо, — выдохнул он. — Раз болезнь третьего брата можно вылечить — значит, у нас снова есть надежда на жизнь.

Юй Шанчжи и раньше не раз слышал от родных больных такие слова, но из уст Вэнь Ецяя они почему-то прозвучали по-особенному — словно глубже, тише, ближе к сердцу.

Его проводили и уложили в постель. Гер сам подошёл, заботливо подоткнул ему одеяло, а перед уходом серьёзно сказал:

— Я сплю в восточной комнате, а Эрван останется снаружи. Если тебе что-то понадобится — скажи Эрвану. Он всё понимает.

Юй Шанчжи едва заметно кивнул и прислушался, как шаги постепенно удаляются. Лекарство он выпил, а в нём, помимо всего прочего, содержались успокаивающие и усыпляющие компоненты. Он закрыл глаза — и вскоре сонная волна мягко, но стремительно накрыла его.

.....

Глубокая ночь. На небе повис полумесяц, слабый и кривой.

Во дворе послышался шелест у ворот, и тут же из конуры, стоящей у хлева, выскочил Дван, с рыком бросился вперёд и залаял яростно, с надрывом, предупреждающе. Вэнь Ецай мгновенно проснулся, скинул с себя одеяло, наспех накинул одежду и, сонно щурясь, распахнул дверь:

— Кто там снаружи? — буркнул он раздражённо, с ноткой утреннего недовольства в голосе.

Но стоило незваному гостю заговорить, как в сонной голове Вэнь Ецай что-то щёлкнуло — голос-то знакомый. Это был Бай Пин, гер из семьи Ху, живущей по соседству, тот самый, что вчера помогал им с готовкой, и рядом с ним — его муж, Ху Дашу.

Бай Пин был человеком надёжным, и с Вэнь Ецаем они давно ладили. Вэнь Ецай знал: тот не стал бы тревожить посреди ночи без серьёзной причины. Он поспешно натянул обувь и выскочил наружу, на ходу окрикнув Давана, чтобы тот отступил.

Даван немного отступил, но всё равно не отходил далеко — продолжал кругами бегать рядом, напряжённо всматриваясь в темноту, готовый в любой момент сорваться с места.

Когда Вэнь Ецай распахнул ворота, в бледном свете луны он увидел лицо Бай Пина, всё в слезах. За его спиной стоял Ху Дашу, не менее встревоженный, лицо его было искажено тревогой. Он опустил взгляд — и тут же всё понял: в руках у Бай Пина, закутанный в пелёнки, судорожно вздрагивал грудной младенец, личико его посинело и покрыто было зловещей синевой.

— Это ведь ваш Сяо Дие? Что с ним случилось?! — воскликнул Вэнь Ецай, окончательно прогнав из головы остатки сна.

И тут же раздался охрипший, почти срывающийся голос Ху Дашу:

— Брат Цай, утром мы тебя встретили, и ты говорил, что ваш лекарь, Юй-ланчжун, уже очнулся и даже у Санъя пульс проверял! Нашему Дие, боюсь, совсем плохо... Умоляю тебя, пусть Юй-ланчжун посмотрит на него! Спаси его, ради Небес, спаси нашего сына!..

<http://bllate.org/book/13600/1205921>